

Н. А. ИОФФЕ

Время назад

<Фрагменты>

<...>

Троцкий сидел в тюрьме — в Крестах, а мальчиков, его сыновей — Леву и Сережу — Наталья Ивановна привезла к нам. Помню, как-то мы гуляли на даче, и нам повстречалась группа матросов из Кронштадта. Не знаю, почему они разговорились с нами, с детьми, но помню, что узнав, чьи это мальчики, они хлопали их по плечам и говорили: «Не горюйте, ребята, скоро пойдем освобождать вашего папашу, со штыками и музыкой!» Нам это ужасно понравилось — «со штыками и с музыкой».

<...>

Однажды отец пришел домой под утро, усталый, счастливый и сказал: «Поздравляю, власть наша». Мы отправились в Смольный. Я увидела Троцкого, который еле держался на ногах от усталости. Помню, как отец, улыбаясь, сказал ему: «Поздравляю вас, Лев Давыдович». И тот, думая очевидно, что отец имеет в виду последние события, ответил: «Вас тоже». Отец, все также улыбаясь, сказал: «Нет, Вас лично поздравляю, Лев Давыдович, с днем рождения». Тот удивленно посмотрел на него, потом хлопнул себя ладонью по лбу, засмеялся и сказал: «Совершенно забыл! А впрочем, очень не плохо отпраздновал день рождения».

<...>

Мужем «мамы Ляли» был в то время некий Неспелов (а может быть, Пospelов), работник Госиздата. Он писал неплохие стихи, в основном пародии, ему же приписывали цикл стихов, посвященных Троцкому. Вернее, не посвященных Троцкому, а как написали бы о Троцком такие разные поэты, как Есенин,

Маяковский, Игорь Северянин, Вера Инбер. Тогда я все это знала наизусть. Сейчас, когда пытаюсь вспомнить, оказалось, что многое забылось. А жаль все-таки в какой-то степени приметы времени.

Вот — «под Маяковского»:

Заменить ли горелкой Бунзене
Тысячевольный «Осрам»? Что Фрунзе?
После Троцкого Фрунзе —
Просто срам¹.

Почему это такое только нынче
Узнали, что Фрунзе то ж
Врангелям гайки завинчивал
И вгонял Колчаков в дрожь.
Теперь, когда закопан последний
паршивый белогвардеец,
Узнали, что под Перекопом
Не на Троцкого следовало надеяться.
Я — от Лили, Краснощековым лелеяной,
Вы — от героев интендантских выдач
Оба получили по шее мы,
Уважаемый Лев Давыдыч...

(Краснощеков — в то время председатель Промбанка, которому приписывали роман с Лилией Брик.)

А вот — «под Игоря Северянина»:

Лев Давыдыч, как мне больно,
Лев Давыдыч, я печален, Лев Давыдыч, неужели
Вы сыграли Вашу роль.
Лев Давыдыч — это символ, Лев Давыдыч гениален,
Лев Давыдыч для народа — это лозунг и пароль.
Сколько славы, сколько армий,
Сколько девушек и фронтов,
Сколько пушечного грома и блистательных авто,
Но в печальной квинтэссенции
Ваши созданных виконтов
Благодарных и печальных
Не осудит Вас никто.
Ленин пышно вмавзолеен,
Вы казались мне наследник —
Опортреченных повсюду бескоронный король.
Но в Кремле уже шипели и завистник и зловердик
Уверяя, будто надо Вам в Кавказовый Тироль.

Где бриллиантовые волны
Бьют в Сухумское Остенде
Бонапартно оеленен беломраморный отель,
Не грустите, Лев Давыдыч!
Ошаманьте шерри бренди!
Я к Вам спешно лимузиню
Выпить дружеский коктейль...

Еще четверостишие «под Веру Инбер»²:

...Теперь покинул эти стены,
Исполненный высоких дум.
Но островом Святой Елены
Войдет в историю Сухум.

<...>

Мои личные воспоминания о Троцком относятся к моим первым жизненным воспоминаниям.

С 1908 года в Вене издавалась газета «Правда», и все ее издатели — Парвус, Скобелев, Троцкий и Иоффе — постоянно встречались, были дружны семьями. Старший сын Троцкого — Лева — мой ровесник и друг детства.

Помню такой эпизод. Мы с Левой — нам обоим года по три или четыре — сидим за столом и едим кашу. Я свою порцию уже съела, а Лева балуется, капризничает, бросает ложку. Заходит Лев Давыдович, спрашивает: «Как дела, ребятишки?» Я тут же докладываю (хорошая, должно быть, была стервочка), что я кашу съела, а Лева не ест, балуется. Он посмотрел на сына, очень спокойно спросил: «Так почему ты не ешь кашу?» Лева схватил ложку и, глядя на него, как кролик на удава, начал поспешно запихивать в себя кашу, давясь и кашляя. А между тем я не помню случая, чтобы Л. Д. не только наказывал, но даже голос не повысил на ребенка.

И еще один эпизод. Я сижу и рассматриваю домики и кораблики, которые мне нарисовал отец. О качестве рисунков можно судить по тому, что Л. Д., который зашел в комнату и посмотрел на них, сказал: «Надюша, как ты хорошо стала рисовать». Я возмущенно сообщаю ему, что это рисовал папа. «Ах, папа! Прекрасно нарисовано, я бы так не сумел». Я очень любила отца и, помню, была просто счастлива, что вот даже Л. Д. не сумел бы так нарисовать, как мой папа.

Осенью 1918 года после высылки советского посольства из Германии, я живя в Москве, училась со старшим сыном Троцкого,

Левой, в одной школе, состояла в одной комсомольской ячейке, часто бывала у них в доме. Лев Давидович же большую часть времени ездил по фронтам, но все же я видела его дома, видела его с товарищами, с людьми, которые у них бывали.

Мне хотелось бы разбить тот стереотип, который сложился вокруг его личности: надменный, высокомерный. Это неверно. Он не был ни надменным, ни высокомерным. Он был сложным человеком, со сложным характером, не раскрывался сразу, как многие другие. Но был требователен к людям, и это не всем нравилось, а также требователен и к себе, и к своим близким.

<...>

А теперь я хочу сказать о роли Троцкого в похоронах моего отца.

Вот что пишут об этом посторонние люди — очевидцы: гнев толпы на кладбище вызвало выступление Рютина, присутствовавшего на похоронах от ЦК. (Несколько лет спустя тот самый Рютин выпустил большой политический документ (сейчас он уже напечатан) с критикой сталинского режима и самого Сталина. И, конечно, был расстрелян.) Речь Рютина прерывалась возмущенными восклицаниями.

Как будто пробудившись от сна, рассказывают очевидцы, Троцкий спросил у стоявшего рядом Сопронова: «Почему они кричат?» Поглядев на Троцкого, можно было понять, что он не слышал выступлений. Погруженный в свои мысли, он глядел на могилу, мускулы левой щеки нервно вздрагивали. Когда сказали, что слово имеет Троцкий, вокруг стало тихо. Троцкий был последним оратором, и это было его последнее выступление в Советском Союзе. Слово «бюрократ» звучало у него, как имя давнего врага. Он призывал брать пример с жизни Иоффе, а не с его смерти. <...>

Да, он был настоящим другом — требовательным и верным. И близкие ему люди знали это. И дети любили его.

Татьяна Ивановна Смилга вспоминает, что, бывая в доме у ее отца, Л. Д. отдыхал от серьезных разговоров, играя с детьми.

Когда в его присутствии Смилгу арестовали, то младшая девочка, пятилетняя Наташа, в детском отчаянии от того, что папу уводят чужие люди, кинулась не к кому-нибудь другому, а именно к Троцкому и горько плакала, обхватив ручонками его ногу.

<...>

